НЕПРИНУЖДЕННЫЕ БЕСЕДЫ

ЗАПИСКА
НА
АПЕЛЬСИНЕ

«УЖЕЛЬ МНЕ СКОРО ТРИ-
ДЦАТЬ ЛЕТ?»

(КЛАССИК).

О чем говорят с артистом? Смотря с каким. Но так или иначе в разговоре неминуемы вопросы: о планах на будущее, о любимой роли, о зрителе...

Разговор с Андреем Мироновым начался с вопроса о славе.

— Есть слава и есть слава. Рихтер, например, — и популярный исполнитель популярной песни. Есть мечты, которые сбываются, и есть такие, что нет. Есть удача с первых шагов на сцене, и есть трудный путь до конца дней без оваций и рукоплесканий. Слава, как палка о двух концах, как оборотная сторона медали, как лебединая песня, как чет и нечет. Известно, какой билет выгадает попугай. «Приятное знакомство в поездке» или «трагедию по вине шиковой дамы». Так говорил Андрей Миронов, артист Театра сатиры, а я записывала.

«ЖИЗНЬ многообразна», — сказал Андрей. И я присоединилась. «Слава — один из моментов жизни. Не больше. Вообще слава — не предмет творчества.

В каждой профессии есть обязательные атрибуты. Артиста, например, принято узнавать на улице. У шофера руки в масле, опасность за поворотом. У врача — смертельные исходы пациентов, усталость, слезы родственников... У педагога — это массовый срыв уроков, доска, исписанная кривым почерком с пятью орфографическими ошибками в слове «мама»...

Но если какой-нибудь человек только так думает о своей работе, то он или очень устал, или ему пора менять профессию.

Потому что на самом деле получается, что не это главное. Что-то другое. Дорога, убегающая вдаль, один вылечившийся больной из пяти неизлечимых, каждый год новые выпускники, и каждый раз замечательный выпуск, ожидание выхода на сцену, одно какое-то мгновение...

Нельзя ставить себе цель — прославиться. Слава эта будет дурного вкуса. Нельзя, выходя на сцену, думать: ну и повезло мне, миллионная аудитория, теперь остается только попасть в жилу... Это уже не творчество, а купля-продажа.

...Слава — это ответственность, внут-

Как все красиво, видно из зада. Как на самом деле трудно, лучше знает тот, кто на сцене. Почему же он никогда не уйдет с нее добровольно? Неужели из-за того, что потом, на улице, к нему подойдут и скажут:

— ПРОСТИТЕ, А ВЫ НЕ МИРОНОВ?

ренняя дисциплина, это постоянный контроль и девиз на каждый день: не давать себе спуска. Не бывает такой славы, которая бы успокаивала. Так говорил Миронов, а я записывала. А потом он остановился и сказал: «Что есть слава?.. Да и славен ли я? Популярен... Да и то только после «Бриллиантовой руки»...

Только после «Бриллиантовой руки» меня узнал массовый зритель. Я понимаю, кино — это искусство для миллионов. Но... Есть Смокутовский, Ульянов, Папанов, Евстигнев. И их тоже знают, большей частью по кино. Но ведь и работы у них в кино какие были! «Гамлет», «Председатель», «Белорусский вокзал», «Добро пожаловать!»...

Нет, правда, это не зависть и не обида на судьбу.

...Не спрашивайте про планы на будущее. Главного своего героя я еще не сыграл.

Какие могут быть выводы... Что жизнь сложна... Что жить мне еще долго... Что приятно лежать в песке и смотреть в небо... Приятно, когда незнакомый человек говорит: «Здравствуйте»...

Кстати, о славе. Из всех многочисленных писем, которые получает каждый актер, помню одно. Я выступал в Ленинграде в Доме офицеров. И вот на сцену по ходу действия присылают апельсин. А на нем написано: «Андрюша, скачайте. Вы плохо выглядите. Будьте здоровы!»

А ЛУЧШЕ всего напишите так. Давайте я вам прочитаю. Здесь все сказано.

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милье мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары
Благодарю тебя. Тобюю,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть...
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь.
И наконец окаменеть,
В мертвящем оповенье света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь. милье друзья!

Так читал Пушкина Андрей Миронов. А я взяла томик Пушкина и переписала.

Н. ПОЛОВИНЧИК.